

Идущий на край Земли

Когда звёздное небо радовало Землю день и ночь, а снега обнимали тундру от края до края, у одной ненецкой семьи родился малыш. Родители назвали мальчика Хасей. Точнее, так его назвал раздосадованный тадибей¹. В тот час, когда шаман взял новорождённого на руки, чтобы произнести заклинание от злых духов, Хасей пустил ему ручеёк в рукаве малицы.

— О-о-эй! И-ё-эй! — хриплым голосом простонал тадибей. — За твои проделки идти тебе до того места, где встречается Солнце с Землёй!

Вот это послание в будущее и означало имя Хасей. Хасей — идущий на край Земли. Но родители прежде не слышали такого имени и думали, что раз похожее имя Хаса — это добрый, хороший, красивый, то и Хасей означает то же самое. Муж и жена согласились с именем, отдали шаману в уплату трёх оленей и попрощались с вредным стариком.

Хасей рос непоседливым ребёнком. Сидя в гнезде из оленьих шкур, он тащил в рот и то, и это, и всякое, и овакое — одним словом, всё, что лежало под рукой или само к нему приползало. Когда Хасей встал на четвереньки, мать Нябинэ забивала колышек и привязывала шалуна за ножку, чтобы он не выползал из чума и не дотягивался до огня. Отец Собируй за шалости пощунял Хасея. Бабушка Илне тоже бранилась на внука, а в особых случаях и поколачивала его вицей. И только дядя Тетако, живший в чуме по соседству, никогда не ругал своего племянника. Он с удовольствием выстрагивал Хасею олешков, песцов или моржей, каждый раз повторяя при этом:

— Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Хасей.

Первые шаги

Когда Хасей научился твёрдо стоять на ногах и начал делать первые шаги, он вышел из чума.

Тут же белая лайка по кличке Нарэй бросилась к маленькому человеку в объятья. Она подскочила к Хасею, облизала ему лицо и начала кружиться вокруг. Хасей поморщился и скривил лицо: язык собаки не был похож на поцелуи матери.

— У-у-у! — сказал Хасей, это означало: «Уходи».

Но Нарэй не поняла маленького хозяина, ей не терпелось отправиться на охоту, она схватила своего человека за подол малицы и потащила в тундру. Хасей не знал, что такое охота, и заревел. Нарэй снова облизала лицо малышу. Он обиделся на собаку ещё больше и попытался убежать от неё.

Десять маленьких шагов отделяли Хасея от чума. Он успел сделать три, споткнулся о лежащий во мху хорей² и, падая, ударился о нарты. Большая красная шишка выросла на лбу у малыша. От боли, обиды и несправедливости он залился слезами.

Вечером в гости пришёл дядя Тетако. Нябинэ поставила низенький стол и налила горячего чаю из ароматных трав. Хасей возился с игрушкой тюленя. Мужчины сели за стол.

— Хасей, я принёс тебе новую игрушку, — сказал Тетако и выудил из-за пазухи деревянного ошкуя.

Хасей подполз на четвереньках, забрал белого мишку и уполз обратно на постель.

— Хасей вчера ходил. Целую неделю ходил. Зачем снова разучился? — удивился Тетако.

— Надоело, наверное, — ответил отец Собируй. — Нет! — возразила бабушка Илне. — Ягель у тебя в голове, Собируй! Упал твой сын! Лбом стукнулся. Испугался. Теперь боится снова ходить.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про сына Хасея, не то про глупого мужа.

Тетако повернулся к племяннику, взял его на руки и начал жалеть:

— Охо! Я сегодня же отгону все нарты за стойбище. Дам тебе свою большую малицу³, малыш, и падать будет совсем не больно.

— Его надо снова привязывать, чтобы он не выходил из чума! — выругался Собируй.

— Оставь! — сказала бабушка Илне. — У ребёнка должно быть право на игру. Оберегая его от боли, ты не даёшь ему жить.

Через пару недель Хасей снова делал свои первые шаги, а лайка Нарэй лежала возле чума, прислушивалась к каждому шороху, повизгивала и с нетерпением ждала своего маленького охотника.

1. Тадибей — самоедский кудесник, шаман.

2. Хорей — шест, которым погоняют оленей при езде.

3. Малица — у народов Крайнего Севера длинная верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь, с капюшоном и рукавицами мехом наружу.

Священные кости

Пришёл как-то Собируй к тадибею жаловаться. Шаман, закатив глаза, бил заячьей лапой по бубну. «Бум-бурум! Бурум!» — звенел бубен.

— О-о-эй! И-ё-эй! — плясал шаман вокруг обновки. — Я самый хитрый тадибей! Малицу у простака на сушёный лопух выменял. Завтра пимы⁴ возьму, кашель бубном полечу...

— Много лет жизни вам, светлейший тадибей! — сказал Собируй.

— Много лет жизни! — ответил недовольный шаман.

— Горе у меня... — продолжал Собируй.

— Олешки заболели, или опять жена суп пере-солила?!

— Не-е-ет! Хуже! У Хасея любопытство растёт. Умствует безразмерно. Говорит, что хочет учиться! Помоги.

— Знаю! — ответил шаман. — Ладно. Своих детей у меня нет, возьму вашего. Нового шамана воспитаю.

В тот же день отец с матерью привели сына в чум к шаману и напутствовали.

— Вот твой новый чум, Хасей. Слушайся тадибея, — сказал Собируй.

— Ладно, — ответил Хасей. — Посмотрим.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про Хасея-ученика, не то про шамана-учителя и тяжело вздохнула.

Все оленеводы каслают⁵ каждую неделю. Ягель заканчивается, олешкам нечего есть, приходится перегонять стадо. Вот и Собируй с женой Нябинэ, матерью Илне, братом Тетако свернули свои чумы, уложили на грузовые нарты свои дома и перекочевали на другое место. Хасей остался с шаманом.

В первый же день тадибей приказал Хасею вымести чум, а сам поехал обирать старого оленевода. Шаман нарвал лопухов и отправился в соседнее стойбище лечить старика от кашля.

— Чум вымети, золу из кострища выгребви, шкуры выхлопай, хворосту собери, чай свари... — наказывал шаман.

— Ладно, — отвечал Хасей. — Посмотрим.

Тадибей сел на нарты и, погоняя тяжёлым хореем четвёрку оленей, уехал. Ученик наломал вереска, старательно подмёл в чуме, выгреб золу, выхлопал шкуры. Под вечер подозвал свою любимую лайку Нарэй и других собак, запряг их в легковые нарты и привёз целый ворох хворосту. За службу Хасей бросил собакам кусок вяленого мяса и все кости, что нашёл в чуме.

— Ешь, Нарэй, заслужила! — гладил он свою любимую собаку.

Тадибей вернулся поздно вечером. Разложил новые пимы на столе, шаман начал произносить одно из своих заклинаний, приносящих ему богатства. Чтобы удача не отвернулась от шамана, ему понадобились обрядовые кости. Обыскав весь чум, он закричал:

— Хасей, где все костяшки?!

— Собаки съели.

Тадибей пришёл в ярость:

— Ты скормил священные кости, за это будешь сам голодать! Болеть твоему животу! И не спать тебе семь дней! Вон из чума!

— Ладно, — ответил Хасей и вышел из нового дома.

На следующий день от сварливого шамана убежали олени. Вдобавок у него разболелись зубы, а колдовство и новые пимы, как бы он их ни прикладывал к больной щеке, не помогали.

— О-о-эй! И-ё-эй! — страдал тадибей. — Попадись на глаза мне пройдоха Хасей! О-о-эй! И-ё-эй!!! За проделки твои напушу я ужей!

Собаки тем временем отвели маленького человека в тундру, где выросло много черники и моршки. «Собака, однако, а помнит, кто её кормит», — подумал Хасей.

Через неделю родители пригнали стадо, и Хасей вернулся домой.

Каменная жаба

Однажды Хасей поймал кузнечика, зашёл в чум и начал его всем показывать.

— Отпусти, — велел отец Собируй.

— Нет! — заупрямился Хасей.

— Отпусти животное! — рассердился отец.

— Нет! — не уступал Хасей.

«Цок!» — крикнул кузнечик, но он был очень маленький, и его никто не услышал.

«Цвирк-цвирк!» — попытался он ещё раз.

— Бедный, — качая головой, сказала мать Хасея не то про кузнечика, не то про мужа и подлила всем чаю.

— От характер! — всплеснула руками бабушка Илне. — Пожалуй, охотником будет.

После бабушкиных слов Хасей ещё больше загордился своей добычей.

— Хочу ружьё.

— Нет, — ответил Собируй.

— Хасей будет самым лучшим охотником! — сказал Хасей.

— Нет, — отрезал отец.

— Да! — нахмурился Хасей. — Я мужик!

— Нет, — фыркнул горячим чаем Собируй. — Ребёнок.

— Да! — топнул ножкой мужик-ребёнок.

— Бедный, — подкинув хворост в костёр, сказала Нябинэ не то про Хасея-охотника, не то про его отца Собируя.

— Ладно, — щурясь от едкого дыма, ответил отец. — Будь по-твоему. Схожу за шаманом.

.....

4. Пимы — обувь оленеводов Севера, высотой до бедра и с завязками.

5. Каслание — кочевье оленьего стада с погонщиками (оленеводами).

Хасей отпустил кузнечика, а Собируй обошёл стойбище и нашёл шамана. Тадибей окуривал новые нарты вереском.

— Бегайте, нарты, быстрее ветра! По снегу, по траве привозите богатства мне... — колдовал шаман. — Много лет жизни вам, светлейший тадибей! — сказал Собируй.

— Много лет жизни! — ответил шаман.

— Сын вырос, однако! Первую добычу в чум принёс, охотником хочет стать. Наколдуй ему удачу.

— Кого же он добыл: гуся, зайца или ондатру?

— Нет, совсем маленькое животное. Таракана.

— Будет так! — рассмеялся тадибей. — Три оленя и один песец в уплату.

К обеду шаман был в чуме у Собируя.

— А не мал ли ты для охоты? — стуча в бубен, дразнил тадибей Хасея.

— Нет! — сердился Хасей. — Стоит мне только захотеть, я могу голым животом спать на снегу, ездить верхом на рыбе, бегать на равных с олешками и побороть ошкуя!

Конечно, Хасей не мог спать голым животом на снегу и бегать наравне с оленями, он только так говорил. Но очень уж ему хотелось поскорее стать взрослым и отправиться на охоту.

— Ладно, — сказал тадибей и ухмыльнулся.

Наконец-то сбывалась его давняя мечта избавиться от непоседы Хасея. «Будет тебе, шилохвост! — смеялся шаман. — Отправлю по дороге без края и конца». А вслух продолжал:

— Как знаешь, Хасей. Но, чтобы стать настоящим охотником, тебе нужно отыскать каменную жабу. Раз уж ты таракана добыл, то под стать ему и божество твоё. Для начала отправляйся через всю тундру на родину Нгер Нумгы — великой Полярной звезды. Когда придёшь на край Земли, переправься через горловину Белого моря на Кольский. Оставив дрейфующие льды за спиной, ступай на Мурман. Ну а на Мурмане всякий знает, где искать каменную жабу. Поклонись идолу, оставь подношение и возвращайся.

Три дня и три луны Хасей не находил себе места. Он очень не хотел уходить далеко и надолго. Не хотел расставаться с родителями. Хасей любил лечь и кататься бочком, приминая ягель. Ему нравилось трогать влажные носы у собак, плевать в лужи, а быть одному не нравилось. Ещё Хасей очень любил, когда перед ним бабушка Илне рассказывала сказки. Но вот уже который вечер егозливиста характера не давала ему уснуть. Он всё представлял, как отправится к каменной жабе, отыщет её, поклонится и станет настоящим охотником.

Когда застенчивые сумерки опустились на тундру в четвёртый раз, Хасей сунул в мешок вяленого мяса, надел малицу, пижмы и отправился на Мурман искать каменную жабу.

Украдкой он вышел из дома. Стараясь не будить собак и оленей, маленький охотник обошёл

чум. Лайка Нарэй радостно выбежала навстречу. Наконец-то они отправятся на настоящую охоту, думала Нарэй. Хасей замахал руками, чтобы собака уходила, но лайка лишь помахала хвостом в ответ.

Через несколько минут Хасей и Нарэй дошли до конца стойбища и остановились. Прямо перед ними, в небольшой луже, сидела гладкопузая лягушка. Лягушка ловила сонных комаров и ничего не подозревала. Хасей взял её, осмотрел. Лягушка замерла от страха. Хасею тоже было холодно и страшно.

«Вот она, моя каменная жаба! — подумал маленький охотник. — Нашёл на самом краю Земли, как и рассказывал шаман». Правда, как поклоняться божеству, он не знал.

Хасей покрутил божество, у лягушки закружилась голова, и, кажется, она булькнула: «Ква-тит!» В сказках бабушки Илне жених целовал заколдованную невесту, но Хасей не хотел жениться, поэтому он легонько лизнул её и отпустил обратно на ягель. Лайка Нарэй, глядя на хозяина, тоже лизнула лягушку. Лягушка не обиделась, она гулко квакнула: «Ква-рашо-то квак, а ведь чуть не съели!» — бультыхнулась в маленькую лужицу и уже оттуда наблюдала выпученными глазами.

«Свершилось!» — обрадовался Хасей и побежал обратно. «Ква-кая гадость!» — думала лягушка, провожая взглядом маленького человека и собаку. «И это всё! — расстроилась лайка Нарэй. — А как же охота? Как же медведи, дикие олени и гуси?!»

Хасей забежал в чум, разулся, скинул малицу и нырнул под оленьи шкуры. «Какая она холодная и солёная, моя каменная жаба, — засыпая, подумал новый охотник. — На вкус как обычный гранит».

На следующий день Хасей взял с собой отцовские петли, любимую лайку Нарэй и отправился в тундру. «И не так уж далеко этот край Земли, — размышлял он. — Надо будет у шамана ещё о чём-нибудь расспросить». К обеду Хасей и Нарэй добыли трёх куропаток и вернулись в стойбище, а Нябинэ сварила жирную похлёбку.

Вода и камни

Хасей рос очень любопытным ребёнком, и все об этом знали, и многие страдали, а всё потому, что не всегда находили ответы.

— Кто в кипящем котле булькает? Почему вода не горит? Откуда берётся ветер? Зачем собаке сырой нос? — спрашивал Хасей, когда научился толком спрашивать.

Каждый день он выбегал из чума и разглядывал то небо, то землю, любовался тем, как уютно луне в облаках и каким ослепительным бывает солнце. Часами засматривался маленький охотник на ягоды и грибы, играл с камнями и ветками. Очень скоро Хасей заметил, что олень быстрый, зайцы и лемминги трусливые, гуси и утки несут яйца,

а земля простирается без края и конца в любом направлении до горизонта. Хасею непременно хотелось знать, чему служит всякая вещь и чем полезна она человеку, поэтому он никогда не переставал задавать вопросы.

Уже не первая зима минула с того времени, как Хасей появился на свет. И когда вешние воды окончательно проснулись и заговорили на все лады, когда понеслось со всех сторон журчанье, шёпот и плеск, тадибей пришёл в гости к Нябинэ. — Садись пить чай, — пригласила Нябинэ, заливая лечебные травы кипятком.

— Много лет жизни, хозяйка чума! — поблагодарил шаман.

— И ты, Хасей, сядь и ешь за столом! Ненцы не олешки, чтобы жевать на ходу, — одёрнула Нябинэ сына и придвинула низенький столик к гостю.

Хасей тут же подогнул ноги и присел напротив шамана.

— Зачем на меня смотришь? — насторожиться шаман. — Чего хочешь?

— Скажи ответ! — попросил Хасей.

— Ладно!

— Песец хитрый. Он уже никогда не исправится? Почему он такой?

— Действительно так. Мышь очень умная, песцу приходится быть умнее, иначе он умрёт с голоду, — ответил шаман.

— Я слышал, как ты грызёшься и лаешься с людьми. Ты волк или собака? — не унимался Хасей.

— Волк!

— Волк огня боится, как тадибей работы, — расмеялась Нябинэ. — Значит, правда волк.

Хасей дожеввал кусок строганины и снова спросил шамана:

— Что лучше: съесть поганку или чтоб змея укусила?

Тадибей обрадовался такому вопросу: как бы он ни ответил, всё будет во вред надоедливому мальчишке.

— Надо подумать! — сказал тадибей, напуская важности и тумана, чтобы ещё больше заинтересовать малыша.

— Шт! — шикнула на шамана бабушка Илне, которая только что вошла и слышала вопрос Хасея. — Пустая твоя голова! Чему поучаешь?! Когда человек хочет пить, дай воды, а не камни!

— Змея! — буркнул шаман не то про бабушку Илне, не то отвечая Хасею и тут же выскочил из чума.

Вслед за быстрой и шумной весной пришло весёлое, всё пронизанное солнцем лето. Тут же по тундре рассыпались морошка и черника, и как только ягоды налились соком, олени люди принялись их собирать.

В один из дней бабушка Илне и Хасей проснулись до того, как солнце заглянуло в макодан⁶. Они попили крепкого чая, накинули одежды и, откинув полог, шагнули из чума.

— Пусть тундра подарит нам добрую ягоду и не слишком злого комара! — сказала бабушка Илне, и они отправились собирать ягоды.

— Первую горсть всегда оставляй Ямине и благодари Мать-Природу за богатый урожай, — учила бабушка Илне.

Собирая и закидывая морошку в рот, Хасей неожиданно увидел спящего ужа. Маленькая змейка свернулась клубком на большой и старой сыроежке. Хасей очень обрадовался находке и тут же схватил змея.

— Бабушка, я поймал змею! Пусть она меня укусит! — закричал Хасей.

— Нга тебя попутал! — выругалась бабушка Илне. — Люби землю, на которой живёшь, отпусти змея!

— Нет! Моя добыча! — заупрямился Хасей и стал убежать от бабушки.

Юный охотник ещё никогда не ловил змей и не разглядывал их так близко. Но бабушка Илне выломала вицу и, грозно размахивая ею, погналась за непослушным внуком.

— Проказливый ребёнок! — ругалась она. — Беспутный комар!

В то время, пока бабушка Илне гоняла Хасея по тундре, из-за холма показалась оленья упряжка. На нартах сидел шаман. Олешки, боясь удара хореем, бежали сломя голову. Хасей тут же смекнул, что можно запрыгнуть на нарты и умчаться от бабушки вместе с тадибеем. Он выбежал на тропу и уже почти дождался упряжки, когда змей выскочил из рук охотника и поскользился по ягелю навстречу к оленям. Олени, завидев ужа, испугались и шархнулись в сторону. В тот же миг шаман вылетел с нарт и шлёпнулся в лужу. Извалявшись в грязи, он так громко закричал, что во всей округе попрытались даже лягушки.

— Нет избавления от этого беса! — причитал шаман, отряхивая тину с промокшей малицы. — Всю кровь выпил! Все нервы измотал!

— В другой раз дай воды, а не камни! — заступилась за «беспутного комара» подбужившая бабушка Илне.

Берёзовая ветка

Когда пришла новая зима и снег накрыл землю пушистой шалью, Хасей принялся ловить песка. У него это так ловко получалось, что за месяц он добыл десяток добротных шкурок. Слава об удачливом охотнике разлетелась на многие стойбища.

Каждый день с восходом солнца Хасей складывал в мешок капканы, надевал широкие лыжи, подбитые шкурой оленя, и отправлялся в тундру на промысел. На белоснежной равнине он отыскивал одинокие кусты с лёжками зайца или куропаток. Хасей рассматривал их, затем привязывал

6. Макодан — отверстие вверху чума, через которое выходит дым.

к кустам капканы, присыпал их снегом, оставляя немного приманки и, заметая свои следы, уходил дальше в тундру.

Отец Собируй часто наставлял Хасея:

— Важно, чтоб охотник знал, куда летит сова. По науке наших дедов и отцов, капканы надо ставить по её следам.

— Ладно, — отвечал Хасей.

И на самом деле он часто замечал: где зависает и охотится полярная сова, потом крутится и песец.

Однажды над тундрой зажглись яркие, спелые звёзды, а сквозь прозрачный морозный воздух до стойбища донесли пыхтение и какое-то хлопание.

«Да, — уже засыпая, размышлял Хасей. — Это пыхтит сова. Её старания. Мышь промышляет. А за ней и песец придёт, он тоже мышь любит. Надо утром на север идти, следы искать, капкан ставить».

Проснувшись, Хасей попил горячего чая. Бабушка Илне вышивала рисунок в виде мозаики на его малице.

— Что это значит? — спросил Хасей, рассматривая узор.

— Берёзовая ветка, — ответила бабушка.

— Хороший знак, — улыбнулся Хасей. — На охоту пойду. Ночью сову слышал, она укажет, где песец мыскует.

— Пусть зверь не окажется умнее тебя, — ответила Илне и подала внуку малицу.

— Да будет так! — согласился Хасей.

Пока он одевался, бабушка Илне украдкой кольнула большой палец иглой, стряхнула капельку крови в огонь и прошептала:

— Яминя Мать-Природа, прими в дар жертвенную кровь. Услышь меня и пошли удачу моему внуку...

Хасей вышел в тундру и уже через полчаса нашёл длинную вереницу следов. Это был свежий след песца, и обрывался он возле карликовой берёзки. «Эта берёзка принесёт мне удачу», — думал Хасей, присыпая снегом туго взведённый капкан.

Той же ночью, когда тёмная пелена опрокинулась в тундру, а из-за горизонта показалось сонное лунное око, тадибей отправился прятать свои богатства. Он вышел из чума, отошёл две версты на север, нашёл своё заветное деревце и принялся откапывать схрон.

Всякий раз, когда солнце скрывалось на востоке, лишь одна мысль жгла тадибея, словно огонь. Оглядываясь, он удалялся в глубь тундры. Стараясь не шуметь, шаман раскидывал рыхлый снег, пока не упирался в деревянную крышку. Озираясь по сторонам, он открывал небольшой ледник, наполненный до отказа ножами, кубками, бусами, искусно вырезанными фигурками из мамонтовой кости, песцовыми и норковыми шкурками. Каждую ночь тадибей пересчитывал своё богатство. Он тщательно перетряхивал и перекладывал его, потом снова закрывал крышку, закидывал снегом, переметал свои следы, а вместо них оставлял

путаные следы животных, тытая сушёной лапой песца или зайца.

Но в этот раз шаман не успел откинуть и охапку снега, как на его руке захлопнулся капкан. Он вскочил и, крича самые грозные заклинания, побежал обратно в стойбище.

— Что за глупый человек поставил здесь капкан?! Будь ты трижды проклят! — чертыхался тадибей.

Он бежал, падал и выл от боли. Разум шамана помутился, и колдун взывал к нечистой силе:

— Приди, дядюшка паук! Приползи, бабушка змея! Запорхни в чум, тётушка летучая мышь! Ужальте злодея, бока его охладите, за пятки укусите! Это, верно, Хасей... Он с рождения меня хочет сгубить! Со свету сжить! Мой чум и олешков отобрать! Мои богатства захватить!

На крики шамана из жилищ повыбежали заспанные оленеводы.

— Я нарезал руку, и теперь это не чинится! — выл тадибей.

— Бывает, — сказал Собируй, как будто ничего необычного не произошло.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про шамана, не то про спрятавшегося за чум сына Хасея.

— Я сильно прохунулся, продырявился, — причитал тадибей. — Без своей любимой руки мясо есть не смогу. Чай буду мимо рта проливать. Я умру...

— Поделом! — ругалась бабушка Илне. — Зачем потревожил Нижний мир?! Ты землю рыл, вот дьявол Нга что есть худшего с тобой и сотворил: правую руку укусил.

— Эа-а-а! — ревел всклоченный шаман.

Разобравшись, чей капкан, ненцы стали шутить и светлеть лицами.

— Молодец, Хасей! Медведя добыл, — сказал Тетако и осмотрел руку шамана.

— Бабушка вышьет тебе новый рисунок — лапу медведя, — смеялся Собируй.

— Ничего, — подбадривал шамана дядя Хасей, и его узкие глаза сделались ещё уже. — У меня есть мазь. Я своих олешков много лечу, у них, бывает, рога болезнуют. И тебя вылечим.

В конце концов Тетако осмотрел рану и обмазал её жиром чёрной утки. После этого он примотал к руке тадибея деревянную дощечку и напоил его горячим иван-чаем. Через неделю кисть у шамана зажила. Тадибей, как и прежде, проснувшись утром, потягивался, садился в постели и почёсывал свои пятки. А пока шаман шёл на поправку, Хасей научился отличать живые следы от ложных. Он стал лучше понимать их и теперь читал отпечатки животных, будто буквы в книжках.

Совесть

Хасей выучил много слов. Он понимал, что значит для ненца мать, отец, вода, огонь и олени. Но всё же мальчик мало знал, как устроен мир, и плохо отличал добрые дела от злых.

— Совести у тебя нет! — частенько выговаривала бабушка Илне Хасею. — Видно, Нум обделил.

И вот, когда весенний и очень ясный свет расплескался по заснеженной тундре, Хасей подошёл к шаману.

— Ну, чего? — неприветливо спросил тадибей.

— Слово есть, — сказал Хасей.

— Ладно. Говори!

— Где мне найти совесть? — спросил Хасей.

Тадибей долго молчал, думал, как схитрить и спровадить мальчишку со стойбища навсегда.

— Сначала поймай свою тень, тогда и будет ответ, — ответил шаман.

Он очень обрадовался своей мысли и тому, куда она его заводит.

— Днём твоя тень очень быстрая, как олень, но ночью она прячется там, куда человеку умом не добраться. Видишь линию горизонта? — указывая на бескрайнюю тундру, продолжал тадибей.

— Вижу! — ответил Хасей.

— Отправляйся к ней, — сказал шаман. — Только там, на границе двух миров, ты сможешь поймать свою тень. Принеси её мне, и я обменяю твою тень на совесть у Нума.

Радостный Хасей вбежал в чум и, не раздеваясь, начал собирать мешок.

— Куда ты, сын? — удивилась мать.

— За горизонт. Хочу поймать свою тень, — ответил Хасей.

— Зачем она тебе?

— Хочу обрести совесть!

В это время в чум зашёл Собируй. Он откинул полог, нырнул в жилище и начал сбивать налипший к чуням снег. После недолгого отряхивания глава семейства стянул малицу и сел возле огня. Нябинэ тут же поставила перед мужем низенький стол и начала раскладывать горячий обед.

— Сын за горизонт уходит! — пожаловалась Нябинэ мужу.

— Не ходи! Один раз мать родила — раз и погибнуть, — запретил отец.

— Воля ребёнка хотеть за горизонт — отпусти, — заступилась за внука бабушка Илне. — Хочет малку — дай! Пусть учится ловить рыбу. Мечтает заарканить самого сильного хора⁷ — не мешай! Сплети ему тынзей⁸ и научи метать. Всегда дай урок, но никогда не запрещай! Хасей упрямый, как растущая берёза, если не отпустить — будет хуже. — Ладно! — сказал Собируй не то бабушке Илне, не то сыну Хасею.

Пока Собируй думал и подбирал слова, Хасей собрался в путь.

— Думай быстрее, муж, у тебя на плечах голова, а не кочка, — ругалась Нябинэ.

Но Собируй не знал подходящего урока и решил просто не мешать сыну.

— Пусть зрение будет острым, слух — тонким, терпение — бесконечным, — напутствовал отец.

Затем он достал кресало и кремь, протянул их сыну и попрощался.

— Я так думаю, наверное, он найдёт ответ, — смирилась Нябинэ.

Не успел Хасей покинуть стойбище, а шаман уже каркал, словно ворон, размахивал рукавами малицы и напевал свою шаманскую песню.

— О-о-эй! И-ё-эй! — хрипел тадибей. — Хасей, за три моря уходи, возвращаться не моги!

Хасей шёл весь вечер и всю ночь, луна освещала ему путь, а непослушная тень всё время плыла по земле, опережая хозяина на несколько шагов. Когда мальчик устал мерить тундру шагами и окончательно выбился из сил, ему показалось, что он дошёл до горизонта. Хасей спустился в овраг и начал разводиться огнём.

Конечно, Хасей считал себя мужчиной, но всё-таки страшно было остаться одному, и он попросил о помощи:

— Яминя Мать-Природа, ты даёшь человеку Землю, Жизнь и Любовь. Скажи мне, что я хочу знать! Где моя тень?! — крикнул Хасей.

«...я... тень...» — отозвалось эхо.

— Что это значит?! — снова крикнул Хасей и прислушался.

«...то... и значит», — ответило эхо.

— Мне нужна совесть! — попросил Хасей.

«...на... совесть», — откликнулось эхо.

Хасей смотрел по сторонам и слушал, но ничего не происходило. «Странная она, Мать-Природа, — думал Хасей. — Когда молчу — молчит, когда кричу — кричит в ответ, а самой нигде не видно». — Где же совесть? Уже внутри?! — уточнил Хасей.

«...внутри...» — подтвердило эхо.

И Хасей ещё о чём-то поговорил с Яминей, пока не поднялся шквалистый ветер. Мальчик потушил огонь и пошёл обратно, ступая по своим следам. Луна всё так же освещала ему путь, а непутёвая тень с трудом попевала за хозяином, всякий раз отставая на несколько шагов.

Рано утром лай собак оповестил о возвращении Хасея в стойбище, олени люди вышли встречать маленького человека.

— Зачем вернулся? Ты уже поймал свою тень?! — первое, что спросил тадибей.

— Настоящую совесть надо искать в себе, — сказал Хасей.

— Кто надоумил?! — крикнул шаман.

— Мать-Природа, — ответил Хасей.

— Почему я её никогда не слышал?! — взревел тадибей.

— Чтобы слышать, нужно ухо в сердце иметь, — заступилась бабушка Илне. — Когда-нибудь и ты, тадибей, найдёшь совесть в себе.

.....

7. Хор — взрослый самец-олень.

8. Тынзей — аркан для ловли оленей.

— Твоё слово — правда, — согласилась Нябинэ и обняла сына.

Особенный день

Когда дождь смыл остатки снега, а терпкий запах тундры, вешних вод и сырой земли вскружил головы оленям, шаман приготовился встречать уважаемого гостя.

Как только в макодан проскользнули первые лучи восходящего солнца, он принялся хлопотать по дому. Тадибей вымел чум, вынес на улицу оленьи шкуры и повесил огромный котёл на очаг. Потом он выбрал самый лучший кусок мяса с косточкой, нарубил его и опустил в холодную воду. — Хороший будет евей, — помешивая бульон и снимая с него пену, радовался тадибей.

Ему не терпелось встретить шамана из дальнего стойбища. Он уже всё приготовил и даже запряг оленю упряжку, чтобы выехать навстречу гостю, но нужно было доваривать суп. В это же самое время Хасей готовился на последний лёд, чтобы порыбачить.

— Сиг ловится, однако, — сказал он отцу с матерью, складывая махалки⁹ в рюкзак.

— Не ходи! Лёд старый. Провалишься, — возразил отец.

— Нет! Я лёгкий, — начал спорить Хасей. — Сига нельзя упускать. Сам на лёд бросается. С зимой прощается.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про сига, не то про Хасея.

Когда тадибей услышал спор, то решил схитрить.

— Не ходи, Хасей! Южный ветер шептался с тундрой, и я слышал, что лёд пропал. Даже мышь провалилась, — скорбно поведал шаман.

— Ладно, — расстроился Хасей.

— Не горюй. Сегодня особенный день, — одобрительно сказал тадибей. — Я добрый. Я разрешу тебе помогать.

С этими словами тадибей завёл Хасея в свой чум. — Вот суп. Доведи до кипения и вари ещё столько же, — наказал он.

— Куда потом? — спросил Хасей.

— Ставь куда хочешь! — буркнул шаман и выскользнул из чума.

— Ладно, — ответил Хасей.

Через час по стойбищу плыл божественный аромат, а на костре бурлил густой суп.

— Сытный евей, однако, — радовался Хасей, снимая пробу большой деревянной ложкой.

Когда похлёбка была готова, Хасей потушил очаг и перенёс котёл в свой чум.

— Ешь, отец! Ешь, дядя! Утадибея сегодня особый день, он всех угощает, — выкладывая мясо, приглашал Хасей за стол.

— Нарка вада¹⁰ нашему тадибею, — нахваливал суп дядя Тетако.

— Ешь, мама! Ешь, бабушка Илне! — угощал Хасей женщин.

— Правда, — соглашалась бабушка Илне. — Настоящий бульон!

— Долгих лет жизни нашему шаману! — нахваливал Хасей тадибея, угощая собак.

После сытного обеда Хасей нарвал прошлогодней травы и вымыл котёл до блеска.

Когда опустились сумерки и вот-вот должна была взойти луна, упряжка шамана въехала в стойбище.

— Ань дорова!¹¹ — поздоровался гость с оленеводами.

— Много лет жизни! — поприветствовали оленьи люди.

— Прошу за стол, — поспешил пригласить гостя в свой чум шаман.

Увидев пустой блестящий котёл, тадибей удивился:

— Хасей, где мой суп?

— Люди съели, — ответил Хасей. — Тадибей сказал: «Сегодня особенный день. Ставь куда хочешь!»

— Ах ты, глупый ненец! — закричал тадибей. — Ставь куда хочешь в моём чуме, а не людям!

— И собственный язык голодным может оставить! — громче всех смеялась бабушка Илне.

Следы на луне

Спустя несколько летних равноденствий от рождения Хасея, когда осенний дождь лил с печального неба целую неделю, а на восьмой день ветер прогнал тучи за горизонт, выглянуло необычайно большое лунное ликло. Радость и тоска овладели Хасеем.

— Месяц листопада ушёл, хора пришёл. Звери сменили летний наряд на зимний, — сказал отец.

— Хочу на луну... — печально выдохнул маленький Хасей.

— Нет! — возразил Собируй. — Нум запретил. И всем сказал.

— Я Нума попрошу, он пустит... — канючил Хасей.

— Нет! — отрезал отец. — Нум дарует человеку и счастье, и благо, и оленей, и лисиц, и всякого богатства, а луну не дарил. Луна для духов и шаманов.

— Собируй, попроси нашего тадибея, пусть уступит своё место на луне, — заступился дядя Тетако.

— Бедный, — сказала Нябинэ не то про мужа, не то про сына Хасея, не то про шамана.

— Ладно, — ответил Собируй. — Посмотрим.

В это самое время тадибей камлал¹², освящая своё новое жилище. Шаман с силой ударил

9. Махалка — короткая деревянная удочка для подлёдного лова.

10. Нарка вада — спасибо.

11. Ань дорова — здравствуйте.

12. Камлание — обряд, который совершает шаман.

ладонью в бубен, станцевал на одной ноге, встал на четвереньки и пополз вокруг чума.

— О-о-эй! И-ё-эй! — кряхтел под нос тадибей. — Помогли мне духи, которых я знаю, и глупость людей! Отобрал новый чум за щепотку сушёной травы! Через год заберу всё стадо, женюсь, припеваючи жить начну...

Когда шаман обползал в седьмой раз, к нему подошёл отец Хасея.

— Много лет жизни вам, светлейший тадибей! — сказал Собируй.

— Много лет жизни! — вставая и отряхивая малицу от сора, ответил шаман.

— Я достаточно чувствую, что Хасею надо на луну и обратно. Уступи ему своё место, пусть идёт, — попросил Собируй.

— Он луну сгубит, — ответил тадибей. — Только шаманы попадают на небо, а непослушный Хасей — в подземное царство.

— Я принесу в жертву самое дорогое, что у меня есть, — попросил Собируй. — Белого олешка.

— Ладно, — согласился шаман; его вдруг осенило, что он может отправить Хасея в такие края, откуда ещё никто не возвращался. — И не забудь трёх оленей в уплату.

— Спасибо! — улыбнулся Собируй, и они отправились к Хасею.

В чуме Собируя все ели мясо, и только Хасей сидел в стороне от родни. Он смотрел в макодан и сквозь ускользящий дым любовался луной. — Много лет жизни! — приветствовал шаман и, ударив в бубен, подошёл к Хасею.

— Много лет жизни, светлейший! — ответили ему.

— Нум добр, всемогущ, всевидящ, но управлять миром предоставил нам, шаманам. Я разрешаю тебе на луну, Хасей, хотя сам хотел отправиться туда, — и тадибей снова ударил в бубен. — Но я останусь здесь, посередине — между Верхним и Нижним миром. А ты ступай, пока не дойдёшь до замёрзшего Ямала. Там перейди Ледяное море и отыщи Северную землю. На Северной земле тебя ждёт самая высокая гора Вселенной, оттуда ты попадёшь на луну.

— Ладно, — согласился Хасей.

Он сунул кусок варёного мяса в мешок, накинул малицу, натянул пимы, со всеми попрощался и вышел из чума.

Перед уходом бабушка Илне напутствовала внука:

— Ничего не бойся. В какую бы беду ни попал — голову не вешай, ум не теряй. Если будет невмочь, попроси Яминю Мать-Природу, она всегда рядом.

Жёлтая луна, как большой шаманский бубен, висела над осенней тундрой. Яркие звёзды, усыпавшие небо, освещали стойбище. Остроконечные чумы тянулись к Млечному Пути, с трудом дотягиваясь до него струйками белого дыма. Когда

Хасей спустился в низину, а лай собак утих и остался далеко позади, ему стало страшно.

— Яминь Мать-Природа, разреши шагать по луне, — прошептал Хасей.

В тот же миг луна подмигнула Хасею и поплыла, отражаясь в лужах. «Луна... Луна... Луна...» — шептала дождевая вода. «Хлюп... Хлюп... Хлюп-хлюп...» — размицканный ягель чавкал под ногами. Наконец-то исполнилась детская мечта Хасея: он ходил по луне.

Когда Хасей вернулся в стойбище, шаман отлавливал самых крупных оленей из стада Собируя. — Зачем ты пришёл? — вскипел тадибей, и его аркан пролетел мимо шеи оленя.

— Я исполнил мечту и вернулся домой, — ответил Хасей.

— Ах ты, маленький врун и глупец! — бесновался шаман; он указал рукой на луну и спросил: — Где тогда твои следы на луне?!

— Так и рыба ходит по воде, а следов не видно, — ответил Хасей.

Сказка

— Отец, дай мне ружьё! — сказал Хасей.

— Нет! — ответил Собируй. — Ты ещё слишком мал.

— Я добываю песца капканом. Сёмгу — махалкой. Куропатку — петлёй. Дай мне ружьё, и я добуду дикого оленя. Я стану великим охотником! — настаивал Хасей.

— Великий — это хорошо, — согласился Собируй.

— Трудно быть маленьким каждый день. Обидно. Я стану больше! Я стану важным! Когда я добуду много оленей, обо мне узнают все. Я буду самый важный ненец в тундре, — начал похвастаться Хасей. — Все будут слушаться только меня.

Бабушка Илне сидела возле очага и кормила огонь тонкими ветками хвороста.

— Постой! — сказала бабушка Илне. — Садись! пей горячий чай, великий охотник. Я расскажу тебе сказку.

— Ладно! — согласился юный охотник. — Я люблю сказки.

— Когда на Земле жил древний, многовековой человек, а в тундре пахло морозным солнцем и снегом, белый медведь пришёл к ненцу, — начала свою сказку бабушка Илне. — «Плохо мне! — сказал ошкуй. — Я белый. Снег белый. Мои следы на снегу и те белые». — «Бог Нум так задумал, однако!» — ответил ненец. «Нет! — начал спорить медведь. — Надоело! Отец был белым. Дед — белым. И у деда дед. А я не буду. Раскрась меня. Я стану не такой, как все. Звери узнают обо мне. Я буду самым важным медведем. Все будут слушаться только меня». В это время головешки в костре дрались и постреливали. «Ладно!» — сказал ненец и залил огонь из котла. Когда ненец измазал медведя сажей, то ошкуй очень обрадовался чёрной раскраске. «Теперь я кажусь свирепее! Теперь обо

мне узнает весь Верхний мир!»— хвалился чёрный медведь. Но стоило ему выйти из чума, как на него налетела сорока и вырвала клок шерсти. «Хор-р-роша подстилка для гнезда!»— радуясь находке, протрещала она на всю тундру. Следом за сорокой прилетела полярная сова, а потом куропатки и полярные воробьи. Даже старый чёрный ворон отхватил от медведя приличный клок. Злой, ободранный, ошкуй пришёл к океану. Нерпа и тюлень, завидев чёрного демона, тут же уплыли. Все белые медведи отвернулись от собрата. Он портил охоту. Его было слишком хорошо видно на снегу даже слепому моржу. Чёрный медведь остался один. Он начал голодать, и более слабые волки убили его. Не задирай нос, Хасей. Не гонись за величием— не останешься один.

Будущее

Когда над тундрой нависло грозное молчание, все олени люди поспешили укрыться в чуме. Ещё не успела закипеть вода в котле, а свинцовые капли дождя исхлестали озёрную гладь, да так сильно, что на ней появились большущие пузыри. — Скоро Тетако и Сумси женятся,— сказала бабушка Илне.

Хасей улыбнулся, ему было приятно узнать такую новость. И как радуга не издаёт ни тепла, ни голоса, но радость от неё разливается по всей тундре, так сердце Хасея получало радость при одной только мысли о том, что его дядя Тетако нашёл жену и у них может родиться сын. Хасей тут же припомнил когда-то сказанное дядей: «Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Хасей».

Хасею не терпелось подружиться с будущим братом. Вопрос был только: когда? Когда наступит это будущее?

Хасей призадумался и спросил:

— Что такое будущее? Как его увидеть?

— Оно спрятано в настоящем,— ответила бабушка Илне.— Следующей весной ненец будет ловить нельму, которая растёт уже сейчас. Летом ты будешь собирать ягоды и грибы, которые пробиваются из земли. Осенью— бить жирного гуся, которого нянчит наседка. Зимой— охотиться на дикого оленя. Семена, что ты видишь, дадут плоды. Снег превращается в вешние воды. А маленький оленёнок-пыжик, что лньёт к важенке¹³, станет сильным хором. Ты тоже будущее, Хасей! Ты будешь пасти оленей, охотиться на пса и заботиться о тундре.

Хасей вышел из чума, сел на нарты и посмотрел на выглянувшее солнце. Он зажмурился от ослепительных лучей и в то же время осознал, что будущее прямо перед ним: голубое небо и бескрайняя тундра— они всегда были рядом. Хасей вдруг понял, что каждое слово бабушки

Илне— счастье. Что сегодняшнее солнце и есть самое настоящее будущее. Ведь, несмотря ни на что, оно и завтра будет светить, и послезавтра, и через много-много лет.

Думай сердцем

С каждым годом Хасей становился всё более сильным и ловким, как отец; добрым и заботливым, как мать; мудрым и рассудительным, как бабушка Илне. И всё же он ещё очень многого не знал и многое у него не получалось.

— Каждого оленя знай «в лицо»,— учил отец.— Собирая оленью упряжку, думай сердцем. За дровами— отлавливай молодых. На охоту— знающих дорогу. А если в гости к соседям— аркань самых лучших.

Но у юного охотника никак не получалось закинуть тынзей на рога оленю. Хасей бегал за ними по тундре, но не мог заарканить ни одного оленка, никто не хотел вставать в упряжку и таскать за собой нарты.

— Никчёмные животные!— ругался Хасей и бросал камни в убегающих оленей.

Раздосадованный, врывался он в чум и просил чаю.

— Помни, Хасей, любовь— это не то, что ты чувствуешь, а то, что делаешь,— поучал дядя Тетако.— Люди и олени всегда жили одной жизнью, и твой поступок— ранит тех и других.

— Всегда слушай свой внутренний голос: как ты прожил сегодняшний день? Кому-нибудь от этого было хорошо?— добавляла бабушка Илне.

С приходом долгожданного месяца отёла олени люди стали пропадать на пастбище с утра и до позднего вечера.

Кругом ещё лежал снег, ещё дули пронизывающие ветра со снегопадами, а ночью нередко случались морозы, но каждый день стадо пополнялось новыми жизнями.

В один из таких майских дней Собируй взял с собой Хасея.

— Выбери самого слабого, возьми его в чум, Хасей,— велел отец, осматривая авкающих, подзывающих важенок телят.— Оленёнок вырастет, привыкнет к человеку и будет слушаться тебя.

Долго Хасей расхаживал вокруг стада и в конце концов заметил, что одна мать отказалась от своего телёнка. Оленёнок прятал уши, жался к матери и громко авкал, но важенка убежала от него.

Юный охотник поймал найдёныша и забрал его в чум.

— Найдёныша привёз, однако. Буду кормить и воспитывать, как отец велел,— объявил Хасей.— Бедный,— сказала Нябинэ не то про Хасея, не то про найдёныша и покачала головой.

Дома у Хасея уже был один питомец— его любимая лайка Нарэй. И когда он угощал её мясом, она охотно дружила с ним. Правда, как только Хасей

13. Важенка— местное название самки северного оленя.

доставал из мешка свои деревянные игрушки и начинал их показывать собаке, то сильно удивлялся: почему Нарэй всякий раз старается улизнуть на охоту?

С найдёнышем всё было по-другому: он всегда бегал за Хасеем, с любопытством разглядывал и облизывал игрушки и никогда не звал на охоту. Хасей назвал оленёнка Чавка, потому что малыш всех веселил своим громким чавканьем и причмокиванием. Правда, к осени Чавка окреп, вымахав в крепкого бычка, и после перегона на новое пастбище Хасею пришлось оставить оленя в стаде.

Однажды, когда сентябрь большой темноты окутал тундру, Собируй слышно простыл.

— Гхэ! Гхэ! Гхэ! — клял без остановки Собируй; чтобы никому не мешать он накрылся с головой и продолжал громыхать под одеялом: — Грхм! Грхм!

Нябинэ заварила морошечник от кашля и сделала мужу жаропонижающую повязку.

— Сегодня ночью тебе стеречь стадо, Хасей. — шёпотом обратилась Нябинэ к сыну. — Отец слишком горд, чтобы попросить о помощи. Возьми его ружьё и ничего не бойся.

— Ладно, — согласился Хасей.

Юный охотник взял ружьё, вышел из тёплого жилища, подозвал всех оставшихся собак, запряг их в постромки¹⁴ и отправился к оленям.

Луна уже давно покинула свой чум и гуляла по ночному небу, когда северный ветер донёс до стада вой волка. Собаки подняли лай. Олешки разволновались. Хасею со страха почудилось, будто это бог Нга выпустил дьявола из подземелья. Юный оленевод дрожал, но то и дело повторял слова отца: «Без стада человек никто!» И когда в темноте сверкнули жёлтые глаза и олени ринулись прочь, Хасей не растерялся.

— Прекрасное время для охоты! — крикнул он и выстрелил в воздух.

Волк исчез так же быстро, как и появился, но и стадо разбрелось по тайге. Всю оставшуюся ночь Хасей искал оленей, и только утром на его клич отозвался Чавка. Хасей обрадовался своему старому другу и повёл его на прежнее пастбище. Следуя стадному инстинкту, потянулись и остальные олени. И когда всё стадо вышло из тайги, Хасей с лёгкостью заарканил четвёрку молодых быков, запряг их вместо собак и отправился домой.

Топоча по насту, олени бежали к стойбищу, а юный охотник погонял их гиканьем и с улыбкой вспоминал слова бабушки: «Как ты прожил сегодняшний день? Кому-нибудь от этого было хорошо?»

Слово и ветер

Когда пришёл месяц комара и солнце окончательно перестало сходить с небес, пробудился нудный и кусачий нянянг¹⁵. Комаров появилось столько, что они пропитали и солнце, и воздух, и облака.

Начались комариные дни и ночи. И даже дожди были из комаров. Оленям стало очень тяжело укрываться от укусов, они бегали по кругу, чесались, били копытами о землю и плакали.

В котёл с сытным бульоном или чаем тоже то и дело попадали комары. И всё же в чуме их было не так много — нянянг никогда не любил запах дыма. Олени люди хорошо знали это и поэтому стали устраивать для оленей специальные дымокуры.

Они сооружали из веток большой навес, а под ним разводили костёр. Дыма от такого костра было очень много, комар разлетался кто куда, и олешкам становилось полегче. Всё это время собаки помогали загонять оленей, да они и сами с удовольствием залезть к дымокурам, понимали, что возле дыма меньше комаров.

Все были заняты спасением стада. Женщины заготавливали ветки для костра. Хасей следил за тем, чтобы огонь не съедал всё сразу. Мужчины прогоняли быков, чтобы и важенки с оленятам могли постоять в дыму.

Всё то время пока люди работали в тундре, ленивый тадибей расхаживал по чуму и в отвсетах костра казался огромной чёрной птицей. И не те красивые и живые образы бегали по чуму, что обычно появляются при добром огне, а злые и рваные тени порхали в жилище шамана.

— О-о-эй! И-ё-эй! — со злорадством пел тадибей. — Ястреб спорит с грозой, медведь — с горами, а Хасей пусть всегда борется с комарами!

Когда выбившиеся из сил оленеводы вернулись в свой чум, Хасей спросил:

— Почему нянянг голодный и злой?

— Послушай моё слово, — сказала бабушка Илне. — Эта легенда уже несколько столетий кочует из уст в уста от предков к правнукам, от отцов к сыновьям. Много-много веков назад задумал бог Нга отнять свет у Нума, и сотворил он самое большое, холодное и безобразное, что только смог. Чудовищная льдина возвышалась до небес, и никто не мог объять её даже взглядом. Долго шагал по планете ледник, оставляя уродливые следы. Был он жесток, силен и могуч. Грозные валуны-кулаки разбрасывал он впереди себя, сокрушая и ломая всё на своём пути. Бездушная глыба с лёгкостью подминала величественные деревья, срывала плодородную землю, сдирая растительный покров, будто кожу с живого существа. Но Нум велик, он предвидел злодеяние Нга и выстроил на пути ледника высокую гору Мауру. В тот день, когда повстречались Маура с ледником, тьма окутала землю, ударил гром и сверкнули молнии, но не смог ледник одолеть Мауру. И замер ледник. Опустил

14. Постромки — прочные витые верёвки или ремни, при помощи которых передаётся тяговое усилие лошади (или другого животного).

15. Нянянг — комар.

огромные кулаки-валуны. Задремал. Забыл, куда шёл. К кому? Зачем? Узрев обезображенную землю, Яминя разоглял в своей груди огонь, и был тот огонь в семь раз жарче и сильнее солнца. И начал таить ледник, и превратился он в озеро Небесное, сравнимое по своей красоте и духу лишь с небом. А вся его сила, жизнь и гордость перешла к горе. И когда рассвет только-только забрезжил янтарём, гора вдруг стала обрастать деревьями. Молодые сосны и ели пустили ноги-корни к недрам Мауры. Вытягивая из её глубин соки, расправили деревья свои спины-стволы. И потянулись к солнечному теплу руки-ветви. А брошенные к подножью валуны стали превращаться в животный. Серые гранитные камни превратились в олений; белый кварц и халцедон — в песцов и ошкуев; а бурая глина — в лис и росомах. Так любовь исцелила землю. Но Нга не смирился и отомстил Ямине. Он придумал самое малое, что может с лёгкостью спрятаться от неё в тундре, и наделил своё детище злостью, чтобы он кусал всё, что создала Яминя. Так появился вечно голодный нянянг. С тех пор маются наши олешки да худеют, а мы просим Яминю о помощи.

Дослушав бабушку, Хасей вдруг понял, как можно помочь оленям. Он выбежал из чума и закричал:

— Яминя Мать-Природа, пойми нашу боль — пошли нам ветер! Нянянг лёгкий, как пух, — пусть летит за горизонт.

«У-у-у!» — в то же мгновение завыл северный ветер. Он подул с такой силой, что Хасей с трудом удержался на ногах.

«Вот как бывает! — думал Хасей, возвращаясь в чум. — Если сказать слово, а не бросить его камнем, и ветер поймёт».

А северный ветер разошёлся не на шутку, он шумел, ворчал и подгалкивал несметные тучи комаров в спину. И первое, что встретилось на пути звенящему рою, — это чум тадибея. Злой и голодный нянянг весь укрылся в чуме шамана, и долго ещё носились проклятия над тундрой.

— О-о-эй! И-ё-эй! — ревел, как бродячий медведь, тадибей. — Комара-пискуна, дым костра, одолей!

— Бестолковый тадибей, — ворчала бабушка Илне. — Каждый день он кому-то слеза, теперь сам же за свои слова и плачет.

Разные пути

Когда южный ветер выбился из сил и сменился на северный, а низкое серое небо обняло тундру морозящий дождём, бабушка Илне тяжело заболела. Липкая хмарь повисла над стойбищем, собаки лаялись и грызлись между собой с утра и до вечера. И пока мужчины каслали, а тадибей гостил у дальних родственников, Хасей и Нябинэ ухаживали за больной.

Многие дни Илне не вставала с постели. То и дело она теряла память, а приходя в себя, тихонько шептала:

— Помни, Хасей, оленьи люди — это хозяйева земли и воды. Ненец придуман, чтобы оберегать тундру и реки от худых людей и злых духов.

— Беда, отступи! — простирая руки вперёд, простила Нябинэ. — Яминя Мать-Природа, дай ей свободно вздохнуть! Подари Илне жизнь и силу ветра.

В последний день обессиленная бабушка Илне закрыла глаза и стала молиться за счастье Хасея. Еле слышно произносила она слова, но её молитва, её тепло и любовь всё же коснулись души внука. По щекам Хасея бежали горькие слёзы.

Когда на мягких лапах лисицы в тундру прокрадась ночь, а круг солнца опустился за холм и алая полоса горизонта, лишь на мгновение вспыхнув, растаяла, не оставив даже искры, бабушка Илне умерла.

Жалобно и уныло завывали собаки. Сердцу Хасея сделалось так больно, что он думал о себе как о сломанной ветке. Бабушка всегда говорила: «Ты и я — мы дети одной земли». Теперь Хасей понимал это и чувствовал себя оторванным от мира.

Бабушка Илне любила свой чум, любила своих детей и внука, любила тундру, вековой белый ягель, ветер и солнце, любила весенние рассветы и звёздные ночи, она совсем не хотела менять свою любовь на жизнь в подземном стойбище, но пришло её время.

Нябинэ положила лёгкую руку на голову Хасею и погладила сына. Она почему-то завела разговор о дожде и снеге, но Хасей не слушал её, он всё цеплялся за ускользящие видения и будто пытался навсегда оставить в памяти доброе лицо бабушки Илне, такое круглое, загорелое, с яркими тёмными глазами и улыбкой — после необычно жаркого лета. — Прости меня, бабушка Илне! — шептал Хасей, вытирая слёзы. — Вот если бы всё повторить... Я бы вёл себя совсем по-другому. И ты бы тогда жила очень-очень долго. И мы бы никогда не расстались. Прости, что часто обижал тебя, бабушка.

Постепенно Хасей осознал, что их пути разошлись навсегда, и начал успокаиваться.

Через два дня вернулись мужчины, бабушку Илне одели в лучшую зимнюю одежду, вложили в руки шкуру бобра, закрыли глаза монетами, чтобы она нашла дорогу в загробный мир, зашили в полог её старого чума и похоронили. Рядом с могилой Илне оставили перевёрнутую поломанную нарту и её любимые вещи.

— Илне умерла, но её душа зажглась на небе яркой звездой, — попрощалась Нябинэ.

— Ничто не знает конца: тундра — продолжение ветра, море — продолжение неба, дети и внуки — продолжение стариков. Илне всегда будет с нами, — сказал Собируй.

— Как камни растут без корней, так мудрость бабушки Илне будет расти в наших умах, — сказал последнее слово Тетако.

Жизнь-ручей

Ещё целых три дня Хасей не ел и не пил. Не так-то просто было осознать утрату и отпустить бабушку Илне навсегда. С большим трудом он сдерживал боль, и не мужские, бессильные слёзы подступали к его глазам.

«Нет! Мужчине нельзя показывать слабость!» — твердил Хасей сам себе.

Но невыплаканные слёзы не могли копиться слишком долго, и, подумав о вечной ночи, он всхлипнул. Плечи Хасея вздохнули, и тут же горячие капли побежали по его щекам, обжигая душу. — Почему человек не живёт вечно? — вытирая слёзы, спросил Хасей у матери.

— Живёт! — ответила Нябине. — Не вечно сознание, а человек продолжается в детях. Я — это бабушка Илне. Ты — бабушка Илне. И в твоих детях тоже будет бабушка Илне.

Слёзы на глазах Хасея то высохали, то вновь выступали. Он с силой закусил нижнюю губу, чтобы удержать чувства, чтобы сердце не ныло. Но вновь опухшие веки наполнились влагой, когда заговорил отец.

— Так надо, сын! Так задумано Матерью-Природой, — сказал Собируй. — Смерть не может пройти мимо, не в её это власти. Но как в месяц листопада всякое дерево радуется, скидывая листву и удобряя землю, так и старый человек радуется, удобрив нас мудростью и теплом души.

— Умирая, старые люди уносят с собой яд обид и боль сердца, — утешала Нябине, — оставляя живым радость и знание мира. Новой сильной жизнью живут в нас предки. Ушедшие в загробный мир мертвы лишь для чужих, а для нас они живы.

Дольше всех молчал дядя Тетако. «Надо найти настоящее Слово, — думал он. — Такое, чтобы Хасею сразу стало понятно».

И когда все сказали всё, что нужно было сказать, Тетако нашёл такое Слово:

— Смерть — это камень. Но жизнь — говорливый ручей! И как ни преграждай камнем поток, он всегда обойдёт препятствие. Так было и будет всегда!

Не за годы — за несколько дней повзрослел Хасей.

Равновесие

Когда по тундре полоснули арктические ветра, а холод отобрал у лета весь день без остатка, Хасей отправился искать нетронутые уголья для охоты. — Да не покинут тебя безмятежность и спокойствие даже при встрече с медведем, — наставлял отец Собируй.

— Нум создал зайца, оленя, белку и песка. В ответ бог Нга — волка, ворону и щуку. Помни это и будь

осторожен. Проси Нума и Яминю Мать-Природу о помощи. Нга не гнева, — напутствовал дядя Тетако. — Сердце матери — в сыне, сердце сына — в тундре. Ступай, сынок, — со слезами провожала Нябинэ.

С уходом Хасея опустело и стойбище. Солнце перестало радовать оленьих людей, а луна таяла так долго, что ночи тянулись бесконечно. Затосковал и шаман. В прежние времена тадибей ссорился с Хасеем каждый день для того, чтобы мириться, и всякий раз мирился для того, чтобы снова поссориться. И как мрачный тадибей вносил с собой тьму, так весёлый и добрый Хасей развеивал её светом. Чёрный шаман и светлый Хасей дополняли друг друга, но с уходом юного охотника равновесие пошатнулось, всё стало серым и безрадостным. Шаман перестал выходить из чума и превратился в подобие уснувшего филина. Ничто его не радовало, не волновало — старик затухал.

Так прошла осень, а за ней и зима. Но в один из дней Нябинэ увидела, как тадибей валяется в снегу с собаками.

— Собаки ластятя, значит, весна идёт. Так мой ум ходит — тёплая погода будет, — сказал довольный шаман.

— Ослаб твой ум, тадибей! До весны ещё месяц, — ответила Нябинэ.

На следующий день показалось ослепительное солнце, а с ним и первые вестники весны — тундровые воробьи. «Правда, пуночки прилетели. Вот и поди с ним! — подумала Нябинэ. — Старый глупый заяц, а погоду знает».

Через неделю вернулся и Хасей. Разом оживились стойбище и тундра. Под палящим солнцем забеспокоились ручьи. Оленеводы начали ремонтировать нарты и готовиться к кочёвке.

— О-о-эй! И-ё-эй! — камлал радостный тадибей. — Весна-весна, наступай поскорей! Гуси, летите, заяц, линияй, рыба, ловись, олень, не хромай!

Суровое дыхание покидало тундру. Месяц тихого снега уступал место месяцу вёрона. Шумливые речки и озёра наполнялись, подпирая лёд упругими спинами. Калейдоскопом разливались жёлтые, зелёные, синие цвета на прогалинах. И только Хасей посреди этой бурной жизни увядал.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Хасею было и спокойно, и тревожно. Впервые задумался он над тем, как кончается день и сменяет звёздную ночь новый день. Каждый вечер Хасей насыпал с надеждой и страхом, что мечты не сбываются. Он будто постигал какую-то неведомую истину, разгадывал тайну земного бытия и в то же время ничего не понимал, мысль ускользала. Он чувствовал только счастье и жжение в груди. Его влекло к девушке из дальнего стойбища по имени Нетке.

Кочуя по тундре в поисках охотничьих земель, Хасей оказался так далеко, как прежде не бывал ни один из его родственников. Остановившись для

отдыха у незнакомых людей, Хасей познакомился с девушкой. Когда они встретились взглядом, на сердце у него что-то стонулось, будто чем-то кольнуло, но не больно, а приятно. Юноша разволновался, обрадовался и немного растерялся. Нетке Хасей тоже понравился.

— Ты будешь моей женой!— сказал ей Хасей.

— Ладно!— опустив глаза, ответила Нетке, и её щёки вспыхнули спелой брусникой.

Глава семейства Вындерко был очень рад такому гостю. «Наконец-то дочь Нетке выйдет замуж, а я получу калым»,— думал он.

— Видишь эту палку?— спросил Вындерко у жениха.

— Вижу,— кивнул Хасей.

Отец Нетке достал нож и начал делать зарубки. — Приведёшь мне столько оленей, сколько зарубок поместится на ней,— улыбнулся Вындерко.— Когда я получу калым, Нетке твоя.

Вындерко очень старался, он не спал ночь. С восходом солнца на палке белело сто зарубок. У Хасея и его родителей не было столько оленей. Хасей забрал палку и вернулся домой.

В груди Хасея становилась тесно для сжатого в ней чувства, оно томило, испепеляло, вырывалось наружу. Каждый вечер Хасей сочинял стихи: «Добежать, долететь, добраться. В новом мире с ней оказаться...»

— Добрый дух любви, помоги моему сыну,— молилась Нябинэ.

Тадибей стоял возле чума Хасея и подслушивал. — Тяжелы страдания. В одном Хасее тысяча жизней горит,— бурчал Тадибей.— Только бы от тоски не умер. Тогда всё пропадёт. Погибнет стойбище. Олешки погибнут. Жизни не будет...

Однажды, пока не растаял снег, тадибей запряг четырёх оленей и отправил сватать Хасея. Две недели пробивался шаман к Нетке. И в месяц, что даёт жизнь всей тундре, он отыскал стойбище Вындерко.

— Нум велик!— приветствовал шаман семью Нетке.

— Пусть бог будет к тебе благосклонен!— ответил глава семейства Вындерко.

— Я нужное дело к вам имею,— сказал тадибей.— Осенью срок свадьбы Хасея и Нетке.

— Хасей ещё лишь хасава нацеки¹⁶,— возразил Вындерко.— У него нет калыма! Он глупый мальчик.

— Хасей— мужчина! А ты попадёшь в преисподнюю и сгинешь в вечных муках, Вындерко,— ответил тадибей отцу невесты.— Что ты хочешь?

— Ветром сыт не будешь! Нужно сто олешков. Новый аркан мне и моему сыну. Малицу и пимы моему деду. Оленьи ягушки¹⁷ жене, сестре и матери. Хочу нож и легковые нарты. Достань всё, и через год сыграем свадьбу,— закончил Вындерко.

Целую ночь шаман не спал, ворочаясь в постели, он думал думу, как помочь Хасею. «На что все мои богатства?— размышлял тадибей.— Мне, старому ворону, ни на что не годно. Детей и внуков— нет. Жены— нет. Только Хасей как сын».

Перед отъездом тадибей зашёл в чум к Вындерко. — Этой осенью Нетке станет женой Хасея! Слышал? Я сказал всё!— крикнул шаман.— Это моё последнее слово!

— Ладно!— ответил Вындерко.— Посмотрим.

Когда шаман вернулся на родное стойбище, то никого не застал. Оленеводы, спасая стадо от мошки, перегнали его на побережье Ямала. Не раздумывая и не теряя время зря, тадибей отыскал свой тайник. Целый день у шамана ушёл на то, чтобы перегрузить весь свой смысл жизни на нарты. Перевязав покрепче сокровища, он отправился к соседям покупать олешков. День и ночь тадибей объезжал соседние стойбища, пока не выменял нажитые богатства на сто оленей.

В месяц гнездования птиц тадибей привёз выкуп за Нетке. На легковых нартах возвышались перевязанные тюки из отборных песцовых шкур, пёстрых оленьих ягушек и малиц. Следом подходило стадо из ста оленей. Навстречу шаману вышел Вындерко и его семья.

— Возьми моё всё!— сказал тадибей и протянул руку.— Это калым за твою дочь Нетке.

— Да будет так!— пожал руку Вындерко.

В месяц малой темноты, когда все стада перекочевали и олени, отдыхая после долгого пути, без труда добывали ягель под рыхлым снегом, Хасей женился на Нетке.

Он забрал её от родителей и привёл в новый чум. Когда Нетке развела огонь в своём новом доме, по тундре разлетелось камлание шамана. — О-о-эй! И-ё-эй!— пел, приплясывая на одной ноге, тадибей.— Богиня любви, дай Хасею и Нетке много детей!

.....

16. Хасава нацеки— мальчик.

17. Ягушка (паница)— женская верхняя зимняя одежда.

В отличие от мужской малицы, имеет разрез спереди.